

Т. А. КРУГЛЯКОВА
ЧЕН ЮЙФАНЬ
Санкт-Петербург, Россия
t.kruglyakova@spbu.ru
st094080@student.spbu.ru

УДК 81'42:81\25

«КУЛИНАРНЫЕ ПРИКОЛЫ ИЗ ПОДНЕБЕСНОЙ»: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ОШИБКИ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ШУТКИ

Аннотация. Одним из средств создания комического является конструирование абсурдного текста, лишённого связности как на синтаксическом, так и на семантическом уровне. Нередко шутка может строиться и на обыгрывании восприятия несвязного текста, продуцируемого некомпетентным пользователем языка: то, что было ошибкой для продуцента, становится приемом для реципиента. Доклад строится на материале Интернет-страниц, публикующих коллекции ошибок переводчиков в текстах меню кафе и ресторанов. Предполагается рассмотрение особого юмористического жанра, который условно можно назвать «абсурдное меню». Рассматриваются способы интерпретации чужой речи как механизм создания языковой шутки, анализируются направления межъязыковой и внутриязыковой интерференции на графическом, фонетическом, грамматическом и семантическом уровнях, приводящей к созданию комического эффекта.

Ключевые слова: восприятие текста, интерференция, комический эффект, переводческие ошибки, связность текста, юмор, абсурдные тексты.

KRUGLYAKOVA TATIANA A.
CHENG YUFAN
St. Petersburg, Russia

“COOKING GAGS FROM CELESTIAL EMPIRE”: TRANSLATOR’S ERROR INTERPRETATION AS A WAY TO CREATE A LANGUAGE JOKE

Abstract. One of the way of creating jocular could be constructing of an

absurd text free of connectedness both on syntactic and semantic level. Very often a joke could be based also on the playing up the perception of incoherent text produced by incompetent language user. Something that was a mistake for a producer became a method for recipient. The lecture is based on Web pages that publicized collections of translator's mistakes in the texts of café and restaurant menu The special humoristic genre is under consideration. It could conditionally named "Absurd menu". Ways of other's speech interpretations as a mechanism of creating a language joke are also considered. Directions of interlingual and intralingual interference on graphic, phonetic, grammar and semantic levels that lead to creation of comic effect were under analysis in the lecture

Keywords: perception, interference, comic effect, translator's error, cohesion.

Одним из видов современной языковой игры является коллекционирование разнообразных речевых ошибок. История этого увлечения насчитывает не одно десятилетие: так, еще в начале XX века коллекцию детских речевых «неправильностей» собирал и публиковал К. И. Чуковский – сначала в небольшой брошюре «Маленькие дети», а потом в постоянно переиздававшейся книге «От двух до пяти». В материалах К. И. Чуковского психологи и лингвисты видели источник информации о речевом и когнитивном развитии ребенка, а обыватели – способ расслабиться и посмеяться. Многократное перепечатывание фрагментов из книги Чуковского в юмористических разделах газет свидетельствует: даже если ребенок отстает от языковой нормы ненамеренно, взрослый часто относится к ее осмыслению как к возможности реализовать свой лингвокреативный потенциал.

Чуковский отмечал, что первые языковые шутки, доступные ребенку, представляют собой фразы, построенные на логических несоответствиях по типу «Кошка лает» [Чуковский 2010: 260]. Первым же юмористическим жанром, обращенным к детям, становятся фольклорные перевертыши и небылицы. Рассматривая «причины веселости», которую вызывают эти тексты у воспринимающего их ребенка, исследователь приходит к выводу, что произведения, построенные на логических, а часто и грамматических несоответствиях, помогают ребенку не только «укрепиться в норме», но и «повысить свою самооценку» [Там

же: 271–272].

Для взрослого возможность почувствовать себя выше других также остается неиссякаемым источником хорошего настроения: шутки, высмеивающие недостаточное знание языка, остаются популярными далеко за пределами детства. Существует цикл широко известных анекдотов об иностранцах, попадающих впросяк в элементарных бытовых ситуациях, в том числе не умеющих сделать заказ в ресторане (ср., например, анекдот о китайце, который желает заказать щавель с яйцами и просит: «Шевели яйцами»). Рассматривая популярность анекдотов об иностранцах, А. Шмелев и Е. Шмелева отмечают, что представления о нормативном поведении формируются на основании наблюдений над собственным этносом, в результате чего черты поведения, свойственные иным народам, воспринимаются как смешные и глупые: «Тем более смешными кажутся нарушения носителями других языков речевых стереотипов родного языка рассказчика. Это касается как нарушения собственно языковых норм (акцент, несвойственные языку рассказчика синтаксические конструкции), так и пристрастия к речевым стратегиям, не характерным для языка рассказчика» [Шмелев, Шмелева 2014].

В одном ряду с анекдотами об иностранцах стоят многочисленные подборки ошибок некомпетентных пользователей языком, читая которые носитель языка без всякого усилия со своей стороны получает возможность и «укрепиться в норме», и «повысить самооценку». Такие подборки чрезвычайно популярны в Интернете: так, Google предлагает 870 тысяч страниц на запрос «Смешные ошибки в меню», 220 тысяч – «в китайском меню».

Материалом нашего исследования служат страницы на сайтах, названия которых говорят сами за себя: «Уморительные названия блюд на русском в китайском меню», «Смешной перевод в китайских кафе и ресторанах», «Смешное китайское меню на русском», «Приколы из Поднебесной», «Юморное китайское меню» и др.

В современной лингвистике меню рассматривается как самостоятельный речевой жанр [см., например, учебное пособие Покровская Дудкина, Кудинова 2011]. Становясь объектом лин-

гвистического интереса, меню и даже название отдельного блюда исследуется как мини-текст, обладающий основными текстовыми характеристиками – связностью и цельностью. Исследуя изменения, произошедшие в жанре за последнее столетие, Р. Лакофф писала: «Мы уже не ходим в рестораны просто есть еду – мы идем, чтобы вступить с ней в дискурс, общаться с ней. Мы должны играть с нашей едой – или, по крайней мере, относиться к ней игриво» [Лакофф 2012: 144]. Одной из возможных игр становится ретрансляция текста, который условно можно назвать абсурдным меню.

Абсурдное меню представляет собой коллекцию фотографий ценников или фрагментов реальных меню на разных языках с вызывающим смех переводом на русский, иногда снабженных комментариями составителя. Установка на истину обязательна, поэтому рассмотрение материала возможно с двух позиций: анализ причин ошибок продуцента и исследование реакции реципиента на допущенную ошибку, причем последнее возможно как с психолингвистических (что кажется смешным носителям русского языка?), так и с этнолингвистических позиций (как воспринимаются иностранные языки и его носители средним представителем русскоязычной культуры?). С позиций психолингвистики ошибки переводчиков исследуются как свидетельство сбоя в речевой программе высказывания на уровне контроля, способного многое рассказать о самих механизмах переводческой деятельности [Овчинникова, Павлова 2021: 105]. Однако не менее интересен и аспект исследования рецепции ошибки, который пока еще не стал объектом специального научного интереса.

Несмотря на то, что страницы меню, рассмотренные нами, содержат в своих названиях указание на китайский язык, часто приведенные материалы являются переводами с других языков, в том числе греческого, тайского, арабского, японского и др. Иногда автора подборки в заблуждение вводит непривычная графика: буквы, отличные от кириллических и латинских, воспринимаются не просто как иероглифы, но именно как китайские иероглифы: *ปลาหมึกผัดไข่เต๋มสดน้ำพริกเผา* (с тайского – жарен-

ные кальмары с яйцом и пастой) – *Пыхтеть пыхтеть Соленые яйца с Перец*. Воспринимающий чаще всего не может проверить правильность перевода или хотя бы построить догадку о звучании названия и просто наслаждается смешным названием.

Но удивительнее, что в подборках «Перевод с китайского» оказываются переводы с европейских языков, использующих латиницу, – с итальянского, немецкого, даже английского. Так, на одном из сайтов перевод «*Schlagsahne – Whipper cream – Избивали плетью крем*» (ср. прямое значение немецкого *Schlagen* и английского *whip* ‘ударять, стегать’) снабжен комментарием автора: «Так и запишем: китайцы всем сердцем ненавидят крем». Мы видим, что китайский язык выступает в сознании воспринимающего субъекта как чуждая и потому достойная осмеяния языковая система, а китайцы как прототипические образцы чудаков, не умеющих пользоваться речью. В каком-то смысле в современной русскоязычной культуре китайцы занимают нишу, которую много веков раньше занимали в сознании их предков «немцы» и «чудь» – странные и немые, т. е. не умеющие «нормально» разговаривать, люди.

Главным способом создания комического эффекта становится помещение в центр внимания текста, лишённого такой важной текстовой характеристики, как связность.

Связность может нарушаться из-за неожиданного «переключения кода» – внезапного перехода с одного языка на другой. Смешение языков может сопровождаться смешением азбук: *酸辣无骨凤爪 – Жестковатые characterless ноги цыплёнка*. Недостаточно уверенное владение кириллицей приводит к межъязыковым и внутриязыковым смешениям сходных написаний: греческих беты Β и сигмы Σ и кириллических В, Е в *ΒΑΚΑΛΑΟΣ, вакалаое*; русской У и латинской У игрек в *Гоблядуна* (к тому же тут, вероятно, отражается акцент носителей испанского в произношении губных мягких согласных), заглавных кириллических И и Н: *суп из свиного желудка* (вероятно, предполагалось необходимым написание *свинного*).

К нарушению связности или переосмыслению грамматических и семантических связей может приводить включение

транскрибированных слов чужого языка: *Braised beans with cheese* – *Браисед фасоли творогом*, где *фасоли* воспринимается не как форма мн. ч. им. п., а как род. п. ед. ч.; беспредложное *творогом* прочитывается в основном для данной формы инструментального значения.

В принципе практика транскрибирования экзотических кулинаронимов чрезвычайно распространена, однако профессиональные переводчики принимают решение оставить слово без перевода на основании отсутствия эквивалентов в принимающем языке. В текстах абсурдного меню к транскрибированию прибегают случайно: *Tomato and Basil sauce* – *Помидор и Бэзил* (при наличии *базилик* в русском языке). Наиболее выраженным комическим эффектом обладают частично транскрибированные названия, вызывающие обценные (*招牌菜 花夏* – *фирменный салат Хуа Ся* (huā xià ‘Цветочное лето’)) или просто забавные ассоциации (*木須肉* – *мясо Мусюй*, в названии *Mu xi gou* для носителя китайского языка содержится утверждение, что блюдо напоминает по форме цветок *Mu Xi*).

Описывая ступени смыслового понимания, Г. И. Богин отмечал, что на первом этапе целью слушающего является декодирование отдельных единиц текста, и если в идеальной ситуации на следующих этапах слушатель осваивает «предикации, которые лежат в основе составляющих текст пропозициональных структур», и затем восстанавливает «какие-то стороны мыследействия продуцента», то в ситуации ограниченного знакомства с языком он может останавливаться на первой ступени [Богин, 1998: 66]. Отказ неопытного переводчика от поисков смысла, заключенного в названии, приводит к созданию псевдослов, что ставит название блюда в один ряд с заумными текстами абсурдистской поэзии или фольклорными частушками-нескладухами современного городского фольклора:

<i>Кто стучится в дверь моя?</i>	<i>Кто стучится в дверь моя?</i>
<i>Видишь, дома нет никто.</i>	<i>Видишь, дома нет никто.</i>
<i>Это я твоя жена,</i>	<i>Приходи ко мне вчера.</i>
<i>Чингачгук большой змея.</i>	<i>Будем съели пирожки.</i>

Семантически несвязные названия блюд так же, как и тексты нескладух, не обязательно включают в себя несуществующие слова. Смех вызывает нарушение лексической сочетаемости, вызванной несовместимостью понятийной отнесенности слов: *双菇混鸡与饭* – *Цыпленок двойного гриба скользкий смешивает еду* (курица с двумя видами грибов и рисом), *泰北烤架茄子* *Мирная северная лихорадка заквашивает баклажан* (баклажаны на гриле по-тайски).

Наличие грамматических связей между словами позволяет блогерам искать и находить «тайный смысл», заложенный в нелепых названиях: перевод *阿胶滋补带皮护肉* – *Осел ослом скрыть желатин* (блюдо из ослиного мяса с эцзяо – желатином, получаемым при длительной варке ослиных шкур) дается с комментарием: «Кто составлял меню, тот осел, и этого не скроешь».

К выстраиванию ложных смысловых связей приводят следующие девиации в переводном тексте.

- Многочисленные случаи смешения омонимов и лексико-семантических вариантов многозначных слов: *香菇油菜* – *Грибное изнасилование*, где *油菜* – ‘изнасилование’, ‘рапс’. *娃娃菜炮大虾* – *Ребёнка креветки овощное рагу* (рагу из креветок и капусты), где первые иероглифы следует воспринимать не в значении ‘детский’, а как указание на небольшой размер кочанов китайской капусты; порядок слов и отсутствие предлога мешает установлению верных грамматических связей. Часть из подобных ошибок вызвана использованием языка-посредника: *粟米忌廉汤 Sweet Corn cream Soup* (крем-суп из сладкой кукурузы) – *Суп сладостной мозоли* вместо. *铁板培根香肠卷* – *Iron bacon sausage rolls* – *Утюг рулоны сало колбасы* (поджаренные на противне рулеты из колбасок и бекона), где первые два иероглифа обозначают ‘железный противень’, что переводится на английский как *iron* и уже вторично на русский как *утюг*.

- Смешение межъязыковых омонимов, возникающее вследствие использования языка-посредника: *西冷牛排* – *Мясная скоба*, где переведенным оказывается транскрибированное с

английского *Xi leng – Sirloin*, в свою очередь восходящее к французскому *Sur Loin* (вырезка с верхней части); 韩饮果汁饮料 (корейский напиток) – Хан пьет сок, где 韩 – han следует перевести как корейский.

- Неразличение значений идеографических синонимов: 扒王 – Царь-пастух, где 牛扒 – говяжий стейк, 王 – король в значении ‘лучший среди других подобных’, данного значения нет у *царь*.

- Разнообразные грамматические ошибки, приводящие к переосмыслению лексических значений слов: 豆瓣干烧鱼 – *Фасоли горят рыб*, где неожиданная форма *рыб* с нулевым окончанием воспринимается как вин. п. мн. ч., что приводит к каузативному изменению значения глагола *гореть* – ‘делать так, чтобы горел’ (ср. распространенные языковые шутки *Гулял собаку, Поступил сына в институт*).

- Неверный порядок слов и ошибочная трактовка грамматических форм: 西域土豆泥 – *Западной картошки помятые зонной*, где первые два иероглифа имеют значение ‘западные регионы’, следующие два – ‘картофель’, последний указывает на способ приготовления – пюре. Порядок слов в русском варианте не дает комментаторам понять, о чем идет речь, и вызывает многочисленные шутки: «Да, зона – место суровое, мнет даже картошку», «Это вызов белорусам» и пр.

- Орфографические ошибки в принимающем языке и на промежуточных этапах перевода: 蒜箭土豆 – *Побеги чеснока поджаренной картошкой*, где предлог, записанный слитно с предшествующим существительным, воспринимается как формант, указывающий на формы множественного числа в условных иностранных языках (по примеру романских или английского); *Risotto asparagi e gamberetti – Rice, asparagus and shrimps* – *Спаржа и креветки смеялись*, где смешанными оказываются *rice / rise*.

- Графическое отражение акцента: 肉炖洋葱 – *Мясо с лугом* (глухие и звонкие русские согласные часто смешиваются в русской речи носителей китайского языка), 烧茄子 – *Жаленые*

баклажаны (типичное неразличение [r] и [l]).

Объединяет указанные типы ошибок тот факт, что они являются следствием поэлементного перевода: у воспринимающего создается ощущение, что переводчик не способен к связной речи: он только выхватывает отдельные слова или отдельные иероглифы и предлагает невероятные варианты названий блюд, которые не отражают и не могут отражать представлений об их составе или способе приготовления (*火烧单饼* – *Лихорадочный пирог*, ср. *烧* – лихорадка, *火烧* – жарить).

Переводы такого рода производят впечатление компьютерных – кажется, что человек не может предложить бестолкового и бессвязного текста. Однако на самом деле в большинстве случаев машинный перевод предлагает гораздо более гладкие варианты: «выхватывание» отдельных элементов без оглядки на целое характеризует именно человеческое восприятие на первых ступенях овладения языком.

Создатели коллекций намеренно трактуют речевые ошибки переводчика как логические, в результате чего создается комический образ человека крайне невежественного в самых разных областях. Опишем только некоторые черты образа нелепого китайского шефа, возникающие в результате комической интерпретации переводческих ошибок.

Во-первых, чудака-иностранец предлагает странные и даже опасные блюда: *纸包大虾* – *Бумажный рак* (в действительности первые два иероглифа обозначают, что блюдо заворачивают в бумагу), *Spagetti aglio olio e peperoncino* – *Oil, garlic and red pepper* – *Нефть, чеснок и красный перец* (в действительности происходит смешение английских омонимов *oil* – ‘масло’, ‘нефть’, вызванное неумением различать их эквиваленты в итальянском и русском языках).

Во-вторых, он персонифицирует приготовленные им блюда: *贪得无厌* – *Ненасытная утка*, где *ненасытная* ошибочно используется в метонимическом значении ‘чрезвычайно вкусная, которой невозможно пресытиться’, отсутствующем в русском языке; *虎皮尖椒* – *Свиный перец пункта возникновения*, где первые иероглифы, указывающие, что приготовленный перец

похож окраской на шкуру тигра, метафорически переосмысляются как ‘свирепый, повадками похожий на тигра’.

В-третьих, подозрительный повар не имеет элементарных естественнонаучных представлений: *猪腿* *свинные лапы* (в действительности происходит расширение сферы референции *лапа* ‘нижняя часть конечности млекопитающих, имеющая мягкие подушечки’, передающего более широкое по значению китайское *猪* ‘конечность, нога человека, лапа зверя, блюдо из мясной части бедра или голени’), *鸭下巴* *утиные подбородки*, где *下巴* обозначает не употребляемый в Европе субпродукт – язык птицы.

Усугубляет комический эффект отсутствие грамматической связности. Название китайского блюда *油焖大虾* (*you men da xia* – креветки, тушеные в большом количестве соуса и масла) сначала передается на английский при помощи транскрипции, что, вероятно, связано со стремлением продемонстрировать особый способ приготовления блюда *you men prawn*, а затем уже дословно переводится на русский: *Вы мужчины креветка*. Утраченная грамматическая связность с легкостью восстанавливается читателем: «А вот уже и оскорбления пошли», – комментирует блогер.

Авторы меню могут позиционироваться как люди, не владеющие и элементарными знаниями в области языка: в названии *大鹅炖酸菜* *Тушёная гусь с кислой капустой* нелепым кажется восприятие *гусь* как существительного ж. р. 3-го скл., в названии *干炸肉段* *Сухие жареные мяса* смешным представляется использование мн. ч. сущ. *мясо* для обозначения разных сортов мясных изделий. Наличие «инострannого акцента» в этих ошибках делает их еще более забавными. Например, нередко в подборках встречаются сложные слова, построенные по распространенной в китайском модели слияния двух основ, первая из которых указывает на признак, а вторая на сам предмет: *酸菜* – *Кисло-капуста*, *油炸树菇* – *Жареные дерево-грибы*.

Смешным представляется воспроизведение на письме фонетического акцента. Так, в переводе *铁板牛肉* – *Говядина на*

прите отражаются характерное для речи носителей китайского языка неразличение русских [r] и [l] и звонких и глухих согласных, вызванное наличием глухого придыхания после смычки в китайских фонемах [Поливанов 1968: 249]).

Комичными кажутся не только ошибки, названные Е.М. Верещагиным ошибками с нарушениями системы и нормы, но и те, которые он предлагал относить к нарушениям узуса, – следование в речи на иностранном языке речевым стратегиям, принятым в родном языке [Верещагин 2014: 242].

По мнению Р. Лакофф, меню азиатских ресторанов в Европе более подробны и тщательны, чем аналогичные тексты ресторанов традиционной европейской, например итальянской, кухни, содержат перечень ингредиентов и точные указания на способы приготовления [Лакофф 2012]. Такие подробные длинные перечни тоже способны вызвать улыбку. Один из авторов кулинарного обзора называет страничку о китайском ресторане «Пытка меню»: «Почему я обозначил обзор пытка меню, да потому что оно страниц на пятьдесят, и это не шутка!» [<https://koko.by/cafehouse/46665-obzor-tan-chao.html>].

С другой стороны, среди многочисленных способов номинации блюд традиционной китайской кухни чрезвычайно распространено метафорическое описание блюда. Такой способ кулинарной номинации редко встречается в русском, к тому же китайские метафоры кажутся русскому посетителю ресторанов нелепыми из-за различий в речевом и культурном опыте. Например, перевод 松鼠鱼 – Рыба-белка приводит читателя в недоумение («Так рыба или белка?»), тогда как название дано благодаря форме, в которой выкладывается готовое рыбное блюдо [Ковалёв, Кожевников 2018: 331]. 珍珠翡翠白玉汤 – Суп из жемчуга и нефрита («Смотрите – не подавитесь!») представляет собой блюдо из тофу (白玉 прямое значение ‘белый жемчуг’) и семян лотоса, которые напоминают драгоценности.

Исследователи отмечают, что многие названия китайских блюд связаны с историческими событиями и легендами – такой способ кулинарной номинации встречается и в русском языке, но довольно редко (торт *Наполеон*, *пожарская котлета* и т.д.).

Ни внешний вид, ни состав продуктов часто не имеют непосредственного отношения к образам, запечатлевшимся в названиях. Ван Хэйянь отмечает, что дословный перевод в таком случае приводит к культурному шоку реципиента [Ван 2018]. Например, название блюда из яиц *松花蛋 Яйцо цветущей сосны* связано с легендой, согласно которой бедная девушка вернула потерявшихся уток их владельцу, и в благодарность за это он решил оставить ей снесенные утками яйца. Девушка не сразу заметила подарок, а когда она обнаружила его под сосной в куче хвои яйца, их белок превратился в желе, а желток затвердел.

Культурно обусловленной и непривычной может быть и сама грамматическая модель. По мнению Е.Д. Ковалева и И.Р. Кожевникова, китайские кулинаронимы образованы на основе клишированных словосочетаний серийного типа, среди них есть такие, которые базируются на предикативной модели, не свойственной русскому языку [Ковалев, Кожевников 2018: 331]. Следование такой модели в буквальных переводах вызывает непонимание и смех: *滑炒豆角 – Природная стихия жарит фасоль, 古法猪猪肋排 Стародедовский метод зажаривает ребрыры свины* (Жареные свиные ребрышки по старинному рецепту).

Таким образом, комический эффект возникает вследствие создания образа иностранца, не умеющего пользоваться речью: правильно строить фразы, произносить звуки, записывать слова, изменять их и употреблять в нужных значениях. Образ адресанта меню представляется удачной мишенью для насмешек, что дает возможность почувствовать себя на высоте.

С другой стороны, наличие существенных типологических различий между грамматическими системами русского и китайского языков, способами письменной фиксации делает любую переводческую ошибку ощутимой, увеличивая зазор между формально-языковой и смысловой стороной восприятия переведенного сообщения. Кроме грубого смеха над невежей-иностранцем, знакомство с веселыми подборками абсурдных меню заставляют читателей задуматься о причинах возникновения ошибки и попробовать найти ответ на вопрос, каким образом различия между языками и культурами порождают забав-

ную путаницу.

Источники материала

<https://klikabol.mirtesen.ru/blog/43792443614/Umoritelnyie-nazvaniya-blyud-na-russkom-v-kitayskom-menyu?ysclid=I0xw26eydc>
<https://zen.yandex.ru/media/id/5ada17080422b4aedfbb3436/smeshnoi-perevod-meniu-v-kitaiskih-kafe-i-restoranh-5bfd738752ef2600a9404990>
<https://bugaga.ru/jokes/1146763835-smeshnoe-kitayskoe-menyu-na-russkom.html>
<https://vikfirst.livejournal.com/2526.html>
<http://fototelegraf.ru/214124-smeshnoj-kitajskij-perevod.html>
<https://trinixy.ru/153883-kogda-perevod-menyu-nemnogo-ne-udalsya-20-foto.html>
<https://www.primavista.ru/blog/2013/02/18/sup-sladostnoy-mozoli-i-drugie-kulinarnye-izyiski-v-perevedennyih-menyu?>

Литература

Богин Г. И. Схемы действий читателя при понимании текста. Калинин: КГУ, 1989.

Ван Х. Русский перевод названий китайских блюд в аспекте транскультурной коммуникации // Вестник Калмыцкого гос. ун-та. 2018. № 2 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-perevod-nazvaniy-kitayskih-blyud-v-aspekte-transkulturnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 17.04.2022).

Верещагин Е. М. Лингвистическая типология двуязычия // Проблемы изучения билингвизма: книга для чтения. Сост. Т.А.Круглякова. СПб.: Златоуст, 2014. С. 235–244.

Ковалев Е. Д., Кожевников И. Р. Особенности названий блюд в ресторанных меню на китайском языке (структурно-семантический и прагматический подходы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 7(85). Ч. 2. С. 329–333.

Лакофф Р. Социальная идентичность в жанре меню: «человек есть то, что он ест» // Жанры речи. Саратов; М.: Лабиринт, 2012. Вып. 8: Памяти Константина Федоровича Седова. Жанр и творчество. С. 140–164.

Овчинникова И. Г., Павлова А. В. Переводческий билингвизм: по материалам ошибок письменного перевода. М.: Флинта, 2021.

Покровская Е. А., Дудкина Н. В., Кудинова Е. В. Речевой жанр меню в русской, французской и американской лингвокультурах // Речевые жанры в диалоге культур. Ростов-на-Дону, 2011. С. 140–182.

Поливанов Е. Д. Субъективный характер восприятия звуков языка // Поливанов Е. Д., Избранные статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. С. 236–254.

Чуковский К. И. От двух до пяти. М.: Издательство «Мелик-Пашаев», 2010.

Шмелев А. Д., Шмелева Е. Я. Этнические стереотипы в русских анекдотах // Отечественные записки. № 4. 2014. Код доступа: [<https://magazines.gorky.media/oz/2014/4/etnicheskie-steriotipy-v-russkih-anekdotah.html?>] (Дата обращения 14.04.2022).

REFERENCES

Bogin G. I. Skhemy dejstvij chitatel'ya pri ponimanii teksta. Kalinin: KGU, 1989.

Van H. Russkij perevod nazvanij kitajskih blyud v aspekte transkul'turnoj kommunikacii // Vestnik Kalmyckogo gos. un-ta. 2018. № 2 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkij-perevod-nazvanij-kitajskih-blyud-v-aspekte-transkulturnoy-kommunikatsii> (data obrashcheniya: 17.04.2022).

Vereshchagin E. M. Lingvisticheskaya tipologiya dvuyazychiya // Problemy izucheniya bilingvizma: kniga dlya chteniya. Sost. T.A.Kruglyakova. SPb.: Zlatoust, 2014. S. 235–244.

Kovalev E. D., Kozhevnikov I. R. Osobennosti nazvanij blyud v restorannyh menu na kitajskom yazyke (strukturno-semanticheskij i pragmaticheskij podhody) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2018. № 7(85). CH. 2. S. 329–333.

Lakoff R. Social'naya identichnost' v zhanre menu: «chelovek est' to, chto on est» // Zhanry rechi. Saratov; M.: Labirint, 2012. Vyp. 8: Pamyati Konstantina Fedorovicha Sedova. Zhanr i tvorchestvo. S. 140–164.

Ovchinnikova I. G., Pavlova A. V. Perevodcheskij bilingvizm: po materialam oshibok pis'mennogo perevoda. M.: Flinta, 2021.

Pokrovskaya E. A., Dudkina N. V., Kudinova E. V. Rechevoj zhanr menu v russkoj, francuzskoj i amerikanskoj lingvokul'turah // Rechevyje zhanry v dialoge kul'tur. Rostov-na-Donu, 2011. S. 140–182.

Polivanov E. D. Sub'ektivnyj harakter vospriyatij zvukov yazyka // Polivanov E. D., Izbrannye stat'i po obshchemu yazykoznaniju. M.: Nauka, 1968. S. 236–254.

CHukovskij K. I. Ot dvuh do pyati. M.: Izdatel'stvo «Melik-Pashaev», 2010.

SHmelev A. D., SHmeleva E. YA. Etnicheskie stereotipy v russkih anekdotah // Otechestvennye zapiski. № 4. 2014. Kod dostupa:

[<https://magazines.gorky.media/oz/2014/4/etnicheskie-stereotipy-v-russkih-anekdotah.html?>] (Data obrashcheniya 14.04.2022).

©Круглякова Т.А., 2022

© Чен Юйфань, 2022

Круглякова Татьяна Александровна

Доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д.7/9.

E-mail: t.kruglyakova@spbu.ru

Kruglyakova Tatiana

Alexandrovna – Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language and methods of its teaching

St. Petersburg University
(St.Petersburg, Russia)

Чен Юйфань – аспирант кафедры РКИ и методики его преподавания. Санкт-Петербургский государственный университет.

Адрес:Баотоу, Внутренняя Монголия, 014000

E-mail: 779164966@qq.com

Cheng Yufan–Postgraduate at the Department of Russian as a foreign language and methods of its teaching. St. Petersburg State University.